

«МОЙ КРОВНЫЙ БРАТ»

Ленинград в первые недели войны. Враг уже у стен города. Улицы перегорожены стальными ежами, повсюду роют противотанковые рвы, устанавливают орудия, в небо поднимаются аэростаты. В те грозные дни здесь, как и по всей стране, создается народное ополчение, формируются добровольческие батальоны, полки, дивизии. Среди ополченцев особенно много молодых ребят — истинных патриотов Родины.

... В начале июля 1941 года ушли добровольцами на фронт и группа студентов Ленинградского авиационного института — русские, украинцы, евреи, армяне все как один встали на защиту Отечества. Утром 14 июля первый бой в районе Кингисеппа с регулярными частями вооруженного до зубов врага. Не каждый из них имел в руках оружие, не хватало патронов. Но уже в ходе сражений они спешно перестраивались, встречали фашистов организовано. Были и свои курьезы. Не зная, как надо пользоваться прибором оптической наводки, стрельбу производили руководствуясь находчивостью студента — посмотрели в дуло, установили на цель и выстрелили. Так подбили два легких танка.

Однажды студенты цепочкой, прячась за заросли, пробирались к огненным позициям. Идущий впереди третьекурсник Костя Петров подал рукой сигнал, чтобы все залегли. Впереди слышен разговор, похожий на немецкий. Все замерли. Но тут до слуха второкурсника Генриха Шахазизяна доносится что-то

знакомое. Да это же на грузинском разговаривают! Оказалось, танкисты — грузины, уточнявшие расположение своей части.

Из письма бывшего студента-ополченца, ныне инженера-конструктора Н. Иванова: «В одном из боев второго августа недалеко от поселка Ивановское меня ранило в ногу. В тот момент подумал: все кончено. Глаза закрыл. В голове какой-то непонятный гул. В миг все смешалось в сознании, и это поле боя с пронзительным шумом снарядов и свистом пуль, и синее небо, и одинокое дерево... Чувствую, кто-то трясет меня. Чуть привстал, вижу — рядом друг мой Генрих Шахазизян. Генрих своими черными добрыми глазами смотрел на меня, и от этого взгляда я как-то успокоился. Долго-долго нес он на себе меня и вынес в лес, в безопасное место, сам же сделал перевязку. Очнулся уже в медсанбате дивизии. Не время было выяснять подробности, но дни, которые провел там, думал об одном — быстро вернуться в строй, к моему кровному брату — так назвал Генриха. И вскоре мы снова были вместе! Снова били врагов. Но теперь стали драться по-мужски — более уверенно. Сами стали крепче и сильнее».

... В перерывах между боями Генрих любил возвращаться к своей любимой кяманче. Игра его завораживала, вводила бойцов в мир прекрасного. В начале февраля 1943 года Шахазизян получил приглашение выступить в блокадном Ленинграде, в Доме Советской Армии имени С. М. Кирова. Чарующие мелодии кяманчи прозвучали призывом для ленинградцев — выстоять, выжить. Три раза подряд исполнял он армянскую народную песню. Понравилась она ленинградцам, вновь и вновь требовали ее.

Впереди было еще два с лишним года войны, и им пришлось еще многое повидать за войну. Генрих со своими друзьями дошел до Берлина и в тот самый день Победы вновь прозвучала мелодия кяманчи — мелодия о мире и любви.

В. САРКИСЯН.